

Этнографическое обозрение

1897 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Э91

Э91 Этнографическое обозрение: 1897 1 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 222 с.

ISBN 978-5-517-93010-1

Издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1897 года

ISBN 978-5-517-93010-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КЪ ПОВѢРЬЯМЪ О СВ. КАСЬЯНѢ.

I.

Г. Н. Потанинъ передалъ мнѣ повѣрье о св. Касьянѣ, записанное имъ въ с. Денисовкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Просматривая матеріалы, собранные изслѣдователями нашего народнаго календаря, я не нашелъ нигдѣ повѣрья, вполне похожаго на записанное Г. Н. Потанинымъ. Св. Касьянъ настолько интересная личность въ богатомъ матеріалѣ нашей народной агіографіи, что я рѣшился сопроводить лубенское повѣрье указаніями на тѣ преданія, которыя ходятъ объ этомъ святомъ въ другихъ мѣстахъ и разбросаны по разнымъ сборникамъ сырого матеріала. Не претендуя на полноту сообщаемыхъ свѣдѣній, а тѣмъ менѣе имѣя въ виду дать какія-либо опредѣленные толкованія по поводу происхожденія сказаній о св. Касьянѣ, я преслѣдую только одно—хоть немного облегчить работу тѣхъ лицъ, которыя займутся этимъ интереснымъ святымъ.

Лубенское повѣрье рассказываетъ слѣдующее: Касьянъ сидитъ на стулѣ неподвижно, съ опущенными рѣсницами, которыя у него столь длинны, что достигаютъ до колѣнъ; изъ-за этихъ рѣсницъ онъ не видитъ божьяго свѣту. Только 29 февраля, въ високосный годъ, по утру онъ поднимаетъ рѣсницы и оглядываетъ міръ; на что онъ тогда глянетъ, то погибаетъ. Поэтому не совѣтуютъ выходить въ этотъ день рано утромъ изъ хаты на огородъ.

Приведенный рассказъ не знаетъ, гдѣ сидитъ неподвижный Касьянъ. Быть можетъ, лицо съ такимъ губительнымъ взглядомъ должно быть помѣщено въ аду. Дѣйствительно, существуетъ преданіе, которое знаетъ Касьяна какъ сторожа, привратника ада. Разъ въ четыре года Господь отпускаетъ Касьяна на отдыхъ

и, за его отсутствіемъ сторожать адъ двѣнадцать апостоловъ¹⁾. Въ „Сборникѣ матеріаловъ для ознакомленія съ Пермской губерніей“, вып. V²⁾, статья Н. Л. Скалозубова о народномъ календарѣ сообщаетъ повѣрье, что Касьяна черти бьютъ молотомъ, а 29 февраля даютъ взглянуть на свѣтъ; на что онъ взглянетъ, то повянетъ (с. Богородское). Въ с. Сарсахъ рассказываютъ, наоборотъ, что не Касьяна бьютъ черти, а онъ самъ бьетъ дьявола, который рыщетъ по свѣту и напускаетъ на людей болѣзни и разные невзгоды. 29 февраля Касьянъ именинникъ, ничего не работаетъ, поэтому сатана и успѣваетъ напустить на людей невзгоды; отпраздновавъ именины, Касьянъ снова принимается колотить дьявола по головѣ. Нѣкоторая разница въ богородскомъ и сарсскомъ вариантахъ не мѣшаетъ сходству въ главной мысли рассказа: въ той и другой версіи отъ Касьяна, непосредственно или черезъ дьявола, которому онъ даетъ отдыхъ, зависятъ разные людскія невзгоды. Этотъ взглядъ на святого Касьяна, какъ на носителя злой, губительной для людей силы, проявляется во всѣхъ относящихся къ этому святому преданіяхъ, поговоркахъ, примѣтахъ. „Словарь“ Даля въ „Мѣсяцесловѣ“ подь 29 февраля³⁾ содержитъ слѣдующее: Касьяна завистливаго, Касьяна злопамятнаго, недоброжелателя, завистника, скупого, немилостиваго; Касьянъ на скотъ взглянетъ—скотъ валится, на дерево—дерево сохнетъ. Зинулъ Касьянъ на крестьянъ. Касьянъ на что ни взглянетъ—все вянетъ. Касьянъ на народъ—народу тяжело; Касьянъ на траву—трава сохнетъ; Касьянъ на скотъ—скотъдохнетъ. „Мѣсяцесловъ“ сообщаетъ свѣдѣнія и о праздникахъ въ честь Касьяна: св. Касьяну три четверга празднуютъ: на седмицкой, на масляной и на святой. Четвертокъ на троицкой недѣлѣ Касьяну, чтобы не перекосилъ⁴⁾).

1) Калининскій. Церковно-народный мѣсяцесловъ на Русь, 106.

2) Приложение къ адресъ-календарю и памятной книжкѣ, Пермской губерніи на 1894 г., Пермь. 1893.

3) Даль. Толковый словарь, 973—974.

4) „Перекосилъ“—весьма вѣроятно, подь влияніемъ созвучнаго „Касьянъ“, но характеренъ выборъ глагола съ такимъ именно значеніемъ.

Есть народные рассказы о Касьянѣ нѣсколько иного характера, чѣмъ только что приведенные, рассказы, интересующіеся, главнымъ образомъ, вопросомъ о томъ, почему Касьяну празднуютъ разъ въ четыре года. Въ рассказахъ этого рода приведенныя выше свѣдѣнія о злобной, завистливой натурѣ Касьяна являются только эпизодомъ, какъ будто не интересуютъ повѣствователя сами по себѣ, безотносительно къ вопросу о церковномъ празднованіи Касьяну. Таковъ, прежде всего, рассказъ, записанный Якушкинымъ и напечатанный въ I т. „Лѣтописей“ Тихонравова. Содержаніе рассказа слѣдующее: Касьянъ и Николай идутъ одной дорогой и встрѣчаютъ мужика, увязившаго возъ среди дороги. Касьянъ отказывается помочь мужику, боится замарать свое платье. Тогда Николай подпираетъ возъ своимъ плечомъ и выручаетъ мужика изъ бѣды. Пришли святые къ Богу, а Онъ и спрашиваетъ Николая, почему у него платье выпачкано. Рассказалъ Николай, какъ было дѣло, и рѣшилъ Богъ, чтобы Касьяну праздновали разъ въ четыре года, а Николаю четыре раза въ годъ. Аналогичный рассказъ помѣщенъ у Аванасьева въ „Народныхъ русскихъ легендахъ“ (№ 11). Рассказъ въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ“ Романова (IV, стр. 15—17) представляетъ нѣкоторыя особенности. Касьянъ за обѣдней подпалилъ усы „Ивану Хрящицелю“, который, получивъ отъ Бога другіе усы, золотые, сталъ называться „Златовусомъ“; Касьяну же, въ наказаніе за его поступокъ, „у три годы разъ святкуюць“. Заканчивается рассказъ очень характерно: а у Касьяновъ годъ што-што да прокинетца: ци на людѣхъ, ци на скопини, ци на лясѣхъ — дзѣ-дзѣ да прокинетца“. Вотъ тѣ свѣдѣнія народнаго календаря о Касьянѣ, которыя были у меня подъ руками.

Изображеній св. Касьяна мнѣ не приходилось видѣть, но одна крестьянка Тверской губ., сообщившая мнѣ нѣсколько пословицъ, относящихся къ этому святому, рассказывала, что въ домѣ помѣщика, у котораго рассказчица служила, была въ комнатѣ для прислуги икона св. Касьяна, гдѣ онъ былъ изображенъ „такой страшный, съ большими глазами и длиннымъ носомъ, точно „армѣнинъ“. Разъ одна дѣвушка, поглядѣвъ на икону, сказала: что это за святой, словно чертъ; а

онъ ей ночью и приснился, страшный, сердитый. Вынесли потомъ эту икону изъ комнаты“.

Знаетъ о Касьянѣ и книжная, точнѣе — книжно-народная повѣсть. Г. Лопаревъ въ „Памятникахъ древней письменности“ подъ № ХСІV напечаталъ „Слово о святомъ патріархѣ Θεοοστιρικѣ“ по тремъ редакціямъ¹⁾. Роль, которая отведена Θεοοστιрику въ заключительномъ эпизодѣ „Слова“ (по всѣмъ тремъ редакціямъ) очень похожа на роль Касьяна въ легендахъ Афанасьева, Якушкина и Романова. Θεοοστιрикъ въ гостяхъ у Синагрипа, который устраиваетъ пиръ на радости: благодаря св. Николаю, онъ только что спасся отъ гибели на морѣ. Θεοοστιрикта же Синагрипъ пригласилъ потому, что онъ одинъ „можетъ призвати святого Ніколу во образе чловѣка“ (2-я ред.). Все готово къ началу пира; ждутъ лишь святого Николая. Но онъ очень замедлилъ, показавшись лишь „по 9 часѣ“ и объяснилъ свое замедленіе тѣмъ, что былъ на морѣ Тиверіадскомъ, спасалъ тонувшихъ, за что они „завѣщаша канонъ и свѣщи и темьяны и даша... куръ печенъ тестянь... И показа ему (Θεοοστιрику) данное“ (1-я ред. а); а Θεοοστιрикъ и говоритъ: „Се азъ сего дѣля кура тестянаго ни трию быхъ ступеніи не ступилъ... За ты три ступени повелѣша святіи отци по три года не поминати (Θεοοστιрикта), но четвертое лѣто повелѣша его поминати, — тогда бываетъ високость, а св. Николай трижды годомъ повелѣша поминати святіи отци“ (1-я ред. а). Какъ уже было упомянуто, всѣ три редакціи сходны въ заключительномъ эпизодѣ, связанномъ съ рассказомъ о Синагрипѣ и о чудѣ Николая. Начало „Слова“, довольно искусственно прикрѣпленное къ мотиву о Синагрипѣ, представляетъ нѣкоторую разницу: въ 1 и 3 редакціяхъ фигурируетъ Θεοοστιрикъ, а во 2 — Касьянь. По 1 ред. б. Θεοοστιрикъ родился въ Кесаріи „въ лѣта Уалента царя“, и вскорѣ послѣ рожденія въ него вселился бѣсъ. Во время литургіи Θεοοστιрикъ не захотѣлъ „возглашати прокимен „Въскресні Господи Боже мой, тажа

¹⁾ Первая редакція: а) И. П. В. FI 691; б) И. П. В., Погод. Древл. № 833 и в) И. П. В. QI 1021. Вторая редакція Хлуд. № 178. Третья редакція: а) И. П. В. QI 862 и б) Румянц. № 181.

стихъ „Исповѣмся тебѣ Боже мой всѣмъ сердцемъ моимъ“. Василиій Великій, служившій литургію, ударилъ Ѳеостирикта „по ланитѣ, онъ же възгласи и прослезися отъ удара и глагола прок(именъ)... стихиру..., и отъ часа того бысть свѣтъ великъ въ церкви паче солнца, занежъ бѣсъ исповѣдася въру Христову“. По 2 редакціи Касьянъ родился въ старомъ Римѣ, „въ царство Костянтина Великаго“, родился „по сновидѣнію“, „... во младенчестве украдоша его дѣмони и не отдаша его отцу, но отнесоша во своя жилища и воспита(ша) его ¹⁾. И водяше его съ собою на всякие бесовскія дѣла и дѣюще пакости великому Василию, когда божественную литургію писаше“. Служа литургію, Василиій Великій „обвѣша ризы своя колоколцы: аще будетъ чисто предъ Богомъ; то ни единъ колоколецъ не зазвонитъ; а будетъ не чисто служеніе, то колоколецъ едѣнъ отъ малыхъ зазвонитъ. И некогда Василиѣ служа пріимаше во церкви честныя дары, ижъ тело есть и кровь Господа нашего Исуса Христа, и тогда дѣмони изъ церкви бежше, а Касьянъ въ церкви остася у места кадила. И принятъ за единъ колоколецъ и возвенѣ колоколецъ. И обзрѣся Василиі и видѣ сего Касияна стояща в свѣткахъ демонскихъ“. Святитель ударилъ Касьяна по головѣ крестомъ «и вообразисъ знамение крестное на челѣ его. И бѣжа Касиянъ изъ церкви. И узрѣша дѣмони то знамение крестное на немъ и отъ того нача огонь попаляти бѣсы; дѣмони же бѣжаша отъ Касияна въ свой полкъ, а Касияна не пріимаша; онъ же скитаясь по градскимъ улицамъ и не умѣяше некоторымъ языкомъ глаголати. И поругашася ему народы. И по моленію святаго Василия отверзе ему Богъ языкъ, и научи Василиі его грамотѣ и постави его въ четцы; и потомъ бысть прозвѣтеръ и епископомъ поставленъ бысть“. Далѣе 2 редакція не возвращается уже къ Касьяну: она рассказываетъ о случаѣ, заставившемъ Василия В. составить прокименъ „всякое дыханіе да хвалить Господа“ и переходитъ къ разсказу о Ѳеостириктѣ и Синагриптѣ.

¹⁾ Касьяна, украденнаго демонами, знаетъ и народное повѣрье. См. Калининскій, I, с.

Г. Лопаревъ, разсмотрѣвшій списки „Слова“ о Θεοστίρиктѣ, пришелъ къ мысли о существованіи особаго цикла книжно-народныхъ повѣстей, посвященныхъ 29 февраля. „Можно полагать“, говоритъ г. Лопаревъ, „что содержаніе повѣсти приурочивалось и къ одному Касьяну, на что есть отчасти указаніе въ Хлудовской рукописи (т. е. во 2 ред.); двѣ рукописи публичной библіотеки говорятъ уже объ одномъ Θεοστίρиктѣ; быть можетъ, нѣчто подобное связывалось и съ именемъ Іоанна (Варсонофія), чествуемаго также 29 февраля, на что имѣется легкое указаніе въ Бѣлорусскомъ сборникѣ Романова, гдѣ онъ, правда, замѣненъ Іоанномъ Златоустымъ“. Мнѣ кажется, что „Иванъ Хрысцицель“ бѣлорускаго разсказа играетъ роль аналогичную не съ Касьяномъ-Θεοστίρиктомъ, а съ Николаемъ и Василиемъ Великимъ, поэтому едва ли бѣлорусскій разсказъ даетъ поводъ предполагать, что про Варсонофія-Іоанна разсказывалось тоже, что про Касьяна и Θεοστίрикта.

Итакъ, книжно-народная повѣсть вспоминаетъ 29 февраля двухъ святыхъ, одержимыхъ демонами, Θεοστίрикта и Касьяна, народный календарь въ этотъ день вспоминаетъ одного Касьяна. Думается, что можетъ быть лишь отрицательный отвѣтъ на вопросъ академика Веселовскаго — „случайно или нѣтъ упоминаніе Касьяна въ хлудовскомъ вариантѣ чуда (Николая) передъ эпизодомъ о Синагрицѣ?“¹⁾.

II.

Все приведенное выше достаточно ясно обрисовываетъ демоническій образъ Касьяна. Разложивъ этотъ образъ на отдѣльныя черты, его составляющія, мы получимъ слѣдующее: Касьянъ родился по сновидѣнію; онъ въ младенчествѣ украденъ демонами; Касьянъ стражъ ада, отпускается отъ его воротъ лишь разъ въ четыре года; онъ бьетъ дьявола молотомъ, прекращая это занятіе 29 февраля, или, наоборотъ,

¹⁾ См. рецензію А. Н. Веселовскаго на книгу Гастера. *Ilchesters Lectures*, Ж. М. Н. П., 1888, III.

дьяволъ бьетъ Касьяна, давая ему отдыхъ разъ въ четыре года; у Касьяна очень длинныя вѣки: онъ изъ за нихъ не видитъ свѣта никогда, за исключеніемъ 29 февраля; все, на что онъ взглянетъ, погибаетъ; вообще Касьянъ — носитель силы губительной, злой; день его праздника — нехорошій день, а празднуютъ Касьяну, кромѣ 29 февраля, еще въ четверги троицкой, святой и масляной недѣли.

Таковы черты, изъ которыхъ слгаается образъ Касьяна по народнымъ воззрѣніямъ. Думаю, что не будетъ бесполезно привести нѣкоторыя соображенія, на которыя напрашиваются невольно нѣкоторыя изъ этихъ чертъ. Быть можетъ, эти соображенія хоть немного помогутъ будущему изслѣдователю преданій о Касьянѣ разобраться во всемъ томъ, что наслоилось на интересный обликъ демона-святого.

Касьянъ родился „по сновидѣнію“, въ младенцествѣ украденъ демонами, которые „не отдаша его отцу, но отнесоша въ своя жилища и воспиташа его“. Эти два эпизода — рожденіе по сновидѣнію и похищеніе ребенка демонами — принадлежатъ къ числу наиболѣе употребительныхъ въ обиходѣ книжно-народныхъ біографій и часто встрѣчаются въ соединеніи съ другими бродячими мотивами, напримѣръ, съ мотивомъ о нечистомъ рожденіи, съ мотивомъ о неосторожномъ обѣщаніи отца отдать дьяволу то, что онъ найдетъ новаго, возвратясь домой, или, наконецъ, съ мотивомъ о бездѣтныхъ родителяхъ, общающихъ черту ребенка, если онъ родится¹⁾. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что мы знаемъ о Касьянѣ *украденномъ* демонами; этимъ самымъ народное преданіе, какъ будто, исключаетъ возможность связать этотъ мотивъ съ мотивомъ о ребенкѣ, *обѣщанномъ* родителями черту, отсылая насъ къ рассказамъ о чертяхъ, ворующихъ дѣтей. Какъ на образецъ такихъ рассказовъ укажу на рассказъ, помѣщенный у Чубинскаго²⁾ и озаглавленный „Одмінокъ“: баба-повитуха вечеромъ, возвращаясь отъ родильницы, увидѣла на дорогѣ громадную лягушку и говорить: „бый ты болото, и тобі, якъ

1) См. относительно этихъ бродячихъ мотивовъ у Жданова, Былевой знось, стр. 282 и слѣд. и указанія Cozquin'a (Contes populaires de Lorraine) къ №№: XII, XIV, XLIV сказокъ. Ср. также у Веселовскаго, Разысканія, II, 114.

2) Труды, I, 193.

я бачу, незабавкомъ треба бабы". Ночью чертъ унесъ повитуху къ родильницѣ-чертовкѣ. Въ новорожденномъ повитуха узнаетъ ребенка той женщины, возвращаясь отъ которой она встрѣтила лягушку. Повитуха воткнула булавку въ голову ребенка, онъ сталъ кричать. Не будучи въ силахъ вынести его крика, чертовка велѣла черту отнести дитя бабѣ, а свое принести отъ нея. У Ciszewsk'аго¹⁾ есть аналогичное только что приведенному разсказу повѣрье, которое говоритъ о младенцѣ, подмѣненномъ „przez Bogienkę lub Mamone". и совѣтуетъ, какъ быть въ этомъ случаѣ: подкидыша надо бить изо всей силы, тогда черти, не будучи въ состояніи вынести крика своего ребенка, относятъ обратно украденное дитя и забираютъ свое²⁾. Припомнимъ, наконецъ, что „одмінка" знаютъ и кавказскія преданія: дракониды украли младенца Артавадза и дѣва положили на его мѣсто³⁾.

Касьянъ бьетъ черта молотомъ и разъ въ четыре года даетъ ему отдыхъ, по другому варианту—черти бьютъ молотомъ Касьяна и перестаютъ бить лишь на одинъ день въ четыре года. По поводу этихъ двухъ мотивовъ я позволю себѣ прежде всего напомнить легенду „Кузнецъ и чертъ", помѣщенную у Аванасьева⁴⁾. Легенда разсказываетъ, что кузнецъ на дверяхъ кузницы нарисовалъ черта и всегда по утру съ нимъ здоровался: „здорово, землякъ!". Сынъ кузнеца, продолжавшій дѣло отца, не захотѣлъ почитать черта, какъ почиталъ его старикъ, а вмѣсто того каждое утро раза три билъ черта по лбу самымъ большимъ молотомъ. Чертъ разсердился и рѣшилъ отомстить непочтительному кузнецу. Принявъ видъ рабочаго, чертъ приходитъ въ кузницу и нанимается служить. Кузнецъ принялъ его; новый рабочій работаетъ превосходно. Дальше легенда разсказываетъ о томъ, какъ новый рабочій перековалъ старуху въ молодую; слава его гремитъ всюду; кузнецъ завидуетъ, ссорится со своимъ работникомъ, и послѣдній уходитъ. Послѣ ухода черта куз-

¹⁾ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej..., т. IX.

²⁾ См. объ этомъ въ статьѣ г. Сумцова: „Boginki-Mamuny" (Wisla, t. V). *Ред.*

³⁾ В. О. Миллеръ. Кавк. преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ. Ж. М. Н. II. 1883, I, 107.

⁴⁾ Аванасьева. Русскія народныя легенды, № 31. Вариантъ этой легенды у Чубинскаго, Труды, I, 154, гдѣ вмѣсто черта Христосъ.

нецъ, по его примѣру, попробовалъ „перековать“ старика; ничего изъ этого не вышло, кузнецъ жестоко поплатился, а чертъ, такимъ образомъ, былъ отмщенъ.

Аналогичную сказку записалъ въ Колывани Г. Н. Потанинъ. Начало этой сказки, любезно предоставленной въ мое распоряженіе, не говоритъ о предварительныхъ дружескихъ отношеніяхъ кузнеца къ черту, а прямо начинается съ того, что у одного кузнеца на стѣнѣ висѣлъ образъ черта; входя въ кузницу, хозяинъ имѣлъ обыкновеніе всякій разъ ударить молотомъ по лбу нарисованнаго на стѣнѣ черта. Чертъ не вытерпѣлъ и рѣшился отомстить кузнецу. Разсказъ о мщеніи аналогиченъ съ разсказами Аѳанасьева и Чубинскаго. Мнѣ кажется, что слѣдующія припоминанія могутъ намъ нѣсколько облегчить объясненіе начала сказокъ Аѳанасьева, Чубинскаго и Потанина. Я хочу напомнить о нѣкоторыхъ обрядахъ кузнечнаго цеха, о которыхъ больше всего свѣдѣній находится въ преданіяхъ кавказскихъ. Въ Грузіи существуетъ обрядъ, по которому кузнецы въ страстной четвергъ бьютъ молотомъ по наковальнѣ, чтобы пролизанная собакою цѣпь, которою прикованъ Амиранъ, вновь срослась ¹⁾. Если бы кузнецы забыли исполнить этотъ обрядъ, то Амиранъ разорвалъ бы цѣпь и наказалъ бы всѣхъ кузнецовъ ²⁾. Обрядовые удары кузнецовъ существуютъ и у армянъ, гдѣ приводятся въ связь съ армянскимъ Прометеемъ Артавадзомъ. Закованный въ цѣпи, не видя божьяго свѣта, Артавадзъ силится выйти, положить конецъ міру; двѣ собаки безпрестанно грызутъ его цѣпи, но отъ звука ударовъ молота кузнецовъ снова укрѣпляются оковы Артавадза. Такъ разсказываетъ легенда, и, слѣдуя ей, многіе изъ кузнецовъ ударяютъ (молотомъ) о наковальню, чтобы укрѣпились, какъ говорятъ, цѣпи Артавадза ³⁾. Кузнецы персидскихъ армянъ, живущихъ въ Джульфѣ, соблюдаютъ такой обычай: для того, чтобы не порвались цѣпи Шидара, которыми онъ прикованъ къ черной горѣ и которыя безпрерывно лижутъ собаки, въ исходѣ года, въ первый день мѣсяца навасарда, всѣ ковачи, какой бы работой

¹⁾ Хахановъ. Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. I, 27.

²⁾ Ibid, 89.

³⁾ В. О. Миллеръ, I, с. 107.

ни были заняты, ударяють три раза по наковальнѣ. Помимо этого, въ субботу вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ запереть кузницу, кузнецъ съ молотомъ подходитъ къ наковальнѣ и со всего размаху три раза ударяетъ по ней. Дѣлается это съ тою же цѣлью, что и ежегодный торжественный обрядъ, совершаемый въ исходѣ года ¹⁾). Такова таинственная связь между кавказскими героями, прикованными къ горамъ и обрядовыми ударами кузнецовъ. Я привлечъ эти обрядовые удары кузнецовъ, какъ возможную параллель къ началу сказокъ Аеанасьева, Чубинскаго и Потанина. Разсказы о кузнецахъ, бившихъ молотомъ по изображеніямъ черта, не есть ли разсказы объ *обрядовыхъ* ударахъ кузнецовъ? Нѣкоторый намекъ на обрядность можно видѣть въ томъ, что кузнецъ колыванскаго разсказа билъ черта обязательно при входѣ и при выходѣ изъ кузницы, а у Чубинскаго указано и число ударовъ—три. Правда, наши сказки не знаютъ ничего о чертѣ, закованномъ въ цѣпи, которыя надо укрѣплять ударами молота, онѣ, быть можетъ, забыли объ этой подробности, увлекшись разсказами о мщеніи черта; но легенды о закованномъ чертѣ съ подробностями, близко соприкасающимися съ деталями кавказскихъ преданій, существуютъ въ обиходѣ нашей демонологіи. Такъ, у Чубинскаго ²⁾) находимъ такой разсказъ: черти при началѣ свѣта „стали ставыть пекло на людей, и—отъ начала воны его ставыть и нѣкъ не могли ёго кончыты. Якъ скажутъ на велыкдень „Хрыстось воскресе“, то пекло заразъ и разсыпется. Зробыли воны таке зализо на Хрыста, и разъ ишовъ Хрыстось дорогою и зайшовъ до пекла. Старый чортъ и просыть ёго, щобъ надивъ на себе те зализо. Хрыстось загадавъ ёму попереду надиты. Чортъ якъ улизъ, то Хрыстось такъ и заклявъ ёго до страшного суду. Чортъ и теперь грызе те зализо, и якъ уже перегрызае, то тутъ и скажутъ „Хрыстось воскресе“, а зализо зновъ зробытся таке, якъ и було“. Здѣсь слова „Хрыстось воскресе“ имѣють та-

¹⁾ Ibid. 109. Ср. сказаніе о Дегіалѣ изъ сборника „1001 день“ въ ст. г. Кузьмичевскаго „Шолудивый Бунякъ въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ“. Кіевск. Стар. 1887, VIII, 711—712.

²⁾ Труды, I, 195.